

Н. П. Антропов

Центр белорусской культуры, языка и литературы НАН Белоруссии,
Минск (Белоруссия)
antropov50@gmail.com

**«Вождение *Кўста*» и «вождение *русалки*»:
к вопросу об общем протоисточнике**

Уже давно общим местом едва ли не всех работ, посвященных восточнославянской русалке, стало утверждение о сложности, неясности, разноплановости, неоднородности, противоречивости и т. п. этого демонологического персонажа. Однако, констатируя и описывая удивительную вариативность русалки (Д. К. Зеленин в монографии 1916 г., но особенно подробно Л. Н. Виноградова в ряде работ — с выделением северного и юго-западного, распространенного на Украине, в Белоруссии, южнорусских этнокультурных регионах, типов; см., например, специальную статью в [СД, 4, 495–501]), исследователи оставляли в научной тени истоки и генезис этого образа. Фактически только Т. А. Агапкина предложила и обосновала южнославянско-восточнославянский пространственный вектор продвижения русальского комплекса, «принесенного» в Восточную Славию с Балкан, причем многие «черты восточнославянских русалок обязаны своим происхождением их балканославянским “прародительницам”» [Агапкина, 2002, 369]. Дальнейшее развитие образа местных демонов-русалок является результатом с и м б и о з а полученных исконных, т. е. собственно южнославянских, и целого ряда специфических восточнославянских этнокультурных «наполнителей»: обычаев и запретов, ритуалов и магических практик [Там же, 370].

Новые материалы, вводимые в научный оборот в последнее время (в частности, авторами пробного выпуска «Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа»), не только однозначно подтверждают высказанные идеи, но и стимулируют их продолжение — во всяком случае, в отношении локальных белорусских традиций. Продуктивным в этом смысле представляется сопоставление двух обрядово-ритуальных комплексов: «вождения *Кўста*» (преимущественно западнополесского) и «вождения / проводов *русалки*»

(преимущественно восточнополесского), которые под этим углом зрения пока не рассматривались, хотя, конечно, очевидное структурное сходство всех «проводных» ритуалов неоднократно отмечалось в научной литературе.

Поразительное сходство важнейших составляющих (пусть даже и спорадически фиксируемых) двух «вождений», таких как полное ряжение главного персонажа в зелень, шествие по деревне, молчание объекта вождения / проводов, разрывание и дальнейшее использование его убранства, карпогонические и плювиальные мотивы в ритуальной семантике и т. п., приводит к мысли не только об их очевидной типологической конгруэнтности (с совершенно естественной «внутренней» интерпретацией каждого из элементов), но и о возможном общем источнике, который связан с наследием традиционной духовной культуры (пра)дреговичей. Примечательно, что едва ли не определяющее значение в аспекте заявленного сопоставления двух «вождений» имеет этнолингвогеография.

Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. М., 1995–2012.

М. В. Ахметова

Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, Москва
malinxi@rambler.ru

Поливариантность катойконимов в языковом пространстве современного города (на примере Твери)

В 1990 г., когда Твери было возвращено историческое имя, в местной печати был поставлен вопрос о том, какое название следует употреблять для именованя местных жителей. Источники конца XX в. свидетельствуют об использовании в местном узусе того времени четырех вариантов: *тверичане*, *тверичи*, *тверяки* и *тверитяне* (отмечаемые

© Ахметова М. В., 2015